

Семь песков Хорезма / исторический роман

Category: Kitapcy, Taryhy proza

написано kitapcy | 24 января, 2025

Семь песков Хорезма / исторический роман СЕМЬ ПЕСКОВ ХОРЕЗМА

Исторический роман Валентина Рыбина повествует о борьбе хивинских туркмен за независимость и создание собственного государства под предводительством известного туркменского вождя Атамурад-хана.

Тесно с судьбами свободолюбивых кочевников переплетаем ся судьба беглого русского пушкаря Сергея. Проданный в рабство, он становится командующим артиллерией у хивинского хана и тайно поддерживает туркмен, спасших его от неволи.

Часть первая

«...Чаще Каракумы именуются именем, заимствованным из персидского литературного языка: «Семь песков Хорезма».

Мухаммед Риза мираб Агехи.

I

Артиллерийская рота Ленкоранского пехотного полка, расквартированного в Талыше, летом 1832 года была на молотье. Солдаты сами себе сеяли, косили и молотили хлеб. К началу августа управились с делами – погрузили мешки с пшеницей в фуры и двинулись к месту расположения. Ус талые и злые, шли через лесистые Талышские горы. Натрудили косами да цепами плечи, не до веселья.

К вечеру сделали последний привал. Развели костер, сварили кашу, поели, попили, перемотали портянки, снова двинулись в путь и, отмахав еще двадцать верст, под утро прибыли в Акушу, Поставив обоз на крепостном дворе, холостяки бросились в казарму, к кроватям, и женатики подались к своим женкам, на квартиры.

Фейерверкер (Фейерверкер – унтер-офицер в артиллерии.) Сергей Лихарев отсыпался долго, часов до двенадцати. Проснувшись, поплескался под рукомойником, выбрился чисто, надушился розовой персидской водой – голаб, кликнул дружков своих и отправились они за крепостную стену. Рядом, на взгорье, лепился кавказский аул – в несколько рядов, амфитеатром стояли полукаменные-полуглиняные сакли. Кое-где высвечивали над ними тополя. В них жили женатые солдаты.

Выйдя из крепости, Сергей Лихарев с двумя товарищами направился в Манькин шинок – сакля ее стояла на склоне, под развесистым карагачом. Артиллеристы ввалились во двор, подняв хозяйку, которая дремала в прохладной комнатенке. Полногрудая, широкозадая девка с роскошными косами лениво улыбнулась и застегнула пуговицу на кофте.

– Ух ты, кто к нам пожаловал-то! – обрадовалась, увидев Лихарева. – А, сказывали, будто ты там, на Араксе, зазнобу какую-то себе завел. Я тут горячими слезами извелась, тебя ожидаючи!

– Ладно, Мань, будя врать-то, все равно никто не поверит. Врешь, будто на салазках под гору катишься. Угости нас своим чайком, а то с устатку язык во рту не ворочается.

– Ох ты! Значит, соскучился по моему чаю? Ну так садись за стол и товарищей своих приглашай. Вот тебе самовар, вот стаканы.

Солдатки держали в самоварах брагу или самогон. И на этот раз, едва Лихарев повернул ручку краника, как по комнате распространился самогонный дух. Сергей наполнил доверху три стакана, шумно выдохнул из груди воздух, словно он стеснял дыхание, выговорил торопливо:

– Ну, будем живы-здоровы, соколики! Дай Бог, не последнюю.

Маня, ревниво кривя губы, смотрела на гостей. Подождала, пока они опрокинули содержимое стаканов в свои ненасытные глотки, сказала:

– А обо мне и не вспоминал, ровно бы я не живая, а кукла какая-нибудь, из тряпок сделанная. Ну и стервец ты, Сереженька!

– Ну ладно, Манюнь, ладно... Чего ты взбеленилась? Сходи за

товарками, а то ребята джже по девкам соскучились.

– Кобели вы все, сраму не имеете, – сердито выговорила Маня, накинула на голову платок и вышла из горенки.

Едва она удалилась, Сергей налил еще. Выпили, закусили ржаным хлебом, посыпав солью. Зашумело у парней в головушках. Повели разговор, один другого перебивая. Еще раз потянулась рука Сергея к самовару, а в нем уже пусто. Оскорбился Лихарев:

– Братцы, да как же так! У меня еще ни в одном глазу... Надо поискать. У Маньки, должно быть, запасы есть!

Покачиваясь из стороны в сторону, принялся он шарить в сундуке, где лежало тряпье хозяйки, под кровать заглянул – не нашел. И тут товарищи его увидели в окно своих солдат, артиллеристов. Топтались они во дворе, и неизвестно, зачем пожаловали.

– К Маньке, наверное, – рассудил Сергей. – А клялась, что одного меня жалует. А ну, откройте дверь, я им покажу такую Маньку, что до персидской границы, до самого города Тихирана бежать будут!

Он выскочил в сенцы и распахнул дверь:

– Ну, я вас слушаю, господа сермяжные!

Артиллеристы на мгновение замешкались. Но вот один из них сказал:

– Лихарев, мы за тобой пришли... Твой друг, Матюхин, повесился!

– Как это так – повесился? – пытаюсь постичь услышанное, Сергей насупился и мотнул кудлатой головой.

– Повесился... утречком нынче... На своей квартире...

Хмель из Сергея мигом улетучился. Встряхнул он еще раз головой, шевелюру поправил, ремень подтянул. Один из солдат сбивчиво принялся рассказывать о том, что вчера среди ночи, когда рота вернулась с молотьбы, застал Матюхин свою Алевтинку с доктором Блюмелем. Кинулся Иван за кочергой, чтобы гаду голову раскроить, а он в окошко выскочил, штаны и рубаху с погонами оставил. Алевтина тоже ушмыгнула, только ее и видели. А Матюхин сел за стол и принялся за недопитую самогонку. Напился – и повесился.

– Вот она, блюмельская роба.

Лихарев схватил вещи офицера и, не разбирая дороги, зашагал в крепость.

Полуразрушенная старая крепость с двумя башнями колыхалась в синем мареве августовского дня. У полусожженных ворот стояли на посту часовые, и еще двое, на башнях, обзревали сверху окрестности Акуши. «Суки, zenки плят свои Бог знает на что, а у себя под носом ни хрена не видят!» – зло подумал Лихарев о часовых, и еще больше вскипел, увидев на плацу мирно беседующих офицеров: «Гады ползучие... В поместьях своих житья бабам не дают и здесь женок солдатских терзают, как волки!». Не выдержал, пригрозил, проходя мимо:

– Загнали в петлю, сволочи, а теперь судите-рядите! Ну, ничего, я вам еще припомню нынешний денечек! Кость бы вам в горло!

Офицеры, действительно, обсуждали случившееся. Только что отправили они труп висельника в лазарет на экспертизу и теперь злословили, перемывая косточки полковому лекарю, влипшему в историю. Угроза фейерверкера заставила их замолчать. А когда он принялся размахивать рубахой лекаря, ротный командир вне себя прокричал:

– Фейерверкер Лихарев, ко мне!

– Пошел вон, скотина! – послышалось в ответ.

– Лихарев, я требую–немедленно подойдите ко мне!

Лихарев даже не обратил внимания на приказание ротного, прошел мимо. Тогда офицер остановил идущих следом артиллеристов:

– Субботин, Хлыстов!.. Приказываю вам арестовать негодяя!..

Солдаты кинулись за Лихаревым, догнали его и принялись уговаривать, чтобы подошел к командиру роты. Лихарев оттолкнул одного, другого, затем съездил кому-то по скулам, разозлил всех, и началась свалка. На помощь артиллеристам подоспели офицеры, скрутили руки Лихареву и повели его, упирающегося, в караульное помещение.

На другой день над крепостным двором сухо трещали барабаны: Лихарева за пьянство и оскорбление офицеров прогоняли сквозь строй. Семьдесят рядовых чинов, стоя в две шеренги, лицом друг к другу, хлестали его по спине. Полковой командир «не поскупился» на расправу, приказал выдать виновному двести

шпицрутенков. Богатырская спина Лихарева разукрасилась кровавыми полосами, лицо осунулось. Всего сажени не выдержал он, упал на карачки. Последние метры прополз, мыча и стелая, затем потерял сознание. В лазарет его отнесли на носилках, окатили холодной водой, привели в чувство. Штабс-капитан Блюмель, промокая его исхлестанную спину тампоном, злобно приговаривал:

– Харя немытая, ревновать вздумал. Ты думаешь, я не знаю, почему ты взбеленился? Сам ее хотел прибрать к рукам, да не по твоему рылу эта красавица!

– Уйди, гад, – скрипя зубами, выговорил Лихарев. – За Матюхина ты мне все равно ответишь.

– Как же, жди – отвечу. Вот подлечу тебе спину да и отправлю в Тифлис. А там оденут колодки и погонят в сибирский острог. – Лекарь засмеялся. – А мне – что: за любовь не судят. Я ведь ее не неволил, сама ко мне пришла...

Из лазарета Лихарева перевели на гауптвахту. Часовыми оказались его друзья. Ночью Сергей выбрался из каморки через окно, направился в лазарет. Лекарь квартировал во флигельке рядом. Сергей рывком сорвал с двери крючок, влетел в комнату и бросился на едва успевшего вскочить Блюмеля.

– Ну вот и посчитаемся, сука! – зарычал он, хватая ошарашенного офицера за горло. Блюмель, конвульсивно дрыгаясь и хрипя, успел просунуть руку под подушку и вытащить пистолет. Но это только ускорило развязку. Лихарев выдернул из его руки пистолет и ударил по виску рукояткой. Удар был настолько сильным, что лекарь тотчас испустил дух.

Поднявшись, Лихарев ужаснулся содеянному. Посто ял, согнувшись, над лекарем, приподнял его холодеющую руку, вновь опустил и, поняв, что медлить нельзя, метнулся к двери. На пороге остановился, прислушиваясь к ночной тишине. Темные окна лазарета успокоили, а ленивый собачий лай за крепостной стеной основательно ободрил Сергея. Мозг его заработал четко: «Надо бежать... Как можно скорее... Но куда? Через три часа в полку объявят побудку, а еще через час потянутся в лазарет больные... Но еще раньше могут спохватиться в караульном помещении...»

Лихарев тихонько прокрался за лазарет, взобрался на крышу и,

уцепившись за выступ стены, поднялся на нее. Полежав на гребне стены и прислушавшись, он повис на руках над рвом и спрыгнул с трехсаженной высоты. Приземлился в густой бурьян. Обошлось без ушибов и царапин. Пригибаясь, быстро зашагал в аул и вскоре достиг Манькиного шинка. Осторожно постучал в окно. Минута, пока Маня открывала дверь, ему пока залась вечностью.

– Пришел, Сереженька, слава Богу. А я ходила к тебе, когда узнала... – бросилась она к нему.

– Все, Маня, все, – решительно отстранил ее Лихарев, не дав договорить. – Порешил я этого гада, из-за которого Степан удавился. Убил я его. Бежать теперь надо. Ты поскорей собери мне в дорогу съестного... Брось в сумку хлеб, соли, огниво положи. Если есть деньжата, тоже дай – в долгу не останусь.

– Сереженька, да как же так... Да как же ты...

– Не канючь, собирай быстро! – цыкнул он и сам кинулся к полке, вытаскивая на стол что попадет под руку. – Через час, а то и раньше могут . нагрянуть к тебе. Скажешь им, в горы, к черкесам, подался. Другого пути мол ему теперь нет.

– Да как же...

– Цыц, клади в сумку... Да бутылешку с сивухой положить не забудь. Пригодится для храбрости. Топор еще дай – отобьюсь, если что...

Манька тоскливо завывала, утирая слезы. Но не утешать же ее! Схватил ее лапищами, прижал, поцеловал и вывалился во двор. Темная ночь мгновенно поглотила его.

Сразу за Акушей начинался лес. Сергей направился туда. По рассказам бывалых солдат, он знал: если перевалить через горы, то выйдешь к берегу Каспийского моря. Но лес непроходим, ни одна человеческая нога туда не ступала. Пять лет назад, когда была война с Фетх-Али-шахом, граф Паскевич-Эриванский будто бы посылал топографов через этот хребет к морю, однако все они сгнули в дремучем лесу. И еще Сергей слышал от здешнего старика о барсах. Был, дескать, случай: зашел один акушинец в лес, а на него зверь сразу набросился. Но не авери страшили его, а простой человеческий страх за содеянное: «Как бы не догнали, как бы не сцапали! Тогда – на виселицу!»

Войдя в лес, Лихарев остановился, набираясь духу, хотя

смелости ему не занимать, Помешкав немного, подумал: «Неужто с барсом не справлюсь, коли накинется,,. Топор же вот!» Он решительно сжал рукоятку топора, махнул им для остротки и зашагал вперед, Забираясь все глубже в чащобу, слышал какие-то таинст-венные шорохи и потрескивание ветвей. Где-то гулко стонал филин. Сначала Сергей то и дело останавливался, правда, скоро свыкся со странными звуками леса и стал опасаться другого: не заблудиться бы. «Выберусь на самую вершину, оттуда, небось, все вокруг будет видно», И он шел, поднимаясь все выше и выше. Рассвет встретил у обрыва горного ущелья. Увидев провал и услышав отдаленный шум горной речки, Сергей понял, как высоко взобрался, и почувствовал усталость. Сняв с плеча котомку, положил к стволу огромного дерева, сел, затем лег, положив топор под щеку. Засыпая, представил, как ворвались к Мане в шинок офицеры, схватили ее:. «Говори, где он?!» – «Да к черкесам ушел!..» Представил погоню. Казачья полурота скачет зеленой долиной на север, в Дагестан, и окончательно успокоился: «А я иду на юг, в Персию...»

Он проспал до полудня. Лучи солнца золотили капельки росы на сочных листьях деревьев, казалось, лес усыпан алмазной крошкой. Желтенькая птичка, печально попискивая, прыгала по ветвям, склевывая капельки росы. Но вот саженьях в десяти, в буреломе, что-то за-шуршало, и Сергей увидел дикобраза. Зверек осторожно огляделся, принюхался и побежал к впадине. Сергей следил за ним. Пришлось встать, чтобы видеть, куда он направился.

Обрыв был почти отвесен, но, соблюдая осторожность, по нему можно спуститься к самой речушке. Освещенная солнцем, она сверкала внизу. По берегам ее росли кусты барбариса и ежевики. Он скользнул взглядом по речке и увидел куропаток. Они пили воду, смешными мелкими шажками подбегая к берегу и вновь удаляясь. Но вот куропатки вспорхнули, и к воде вышло, хрюкая и повизгивая, стадо кабанов. Вепри только было припали к воде, как молниеносно из кустов выскочил крупный зверь. Громовой рык потряс ущелье. Стадо метнулось в разные стороны, но оглушительно завизжал и забился в лапах зверя зазевавшийся кабан. Визг и рык смешались в единый рев, взбудораживший все

вокруг. Затрещал, застонал в птичьем гомоне лес, Сергей остолбенел, глядя, как терзает кабана хищник, «Да его же тигр! – вспыхнуло в мозгу Сергея. – Тигр, конечно... Желтый, полосатый...» Его окатило холодком страха. Присев, он схватил топор, другой рукой взял сумку с харчами и, пригибаясь, побежал от обрыва прочь. Трудно было продираться сквозь заросли, притом и тропа вела вверх. Запыхался сразу. Остановился, тяжело дыша и глядя вниз. «Зверь мог выйти на меня, когда я спал! – подумал растерянно, – Надо впредь быть осмотрительнее...»

Лес становился все реже и реже. Пошел кустарник с проплешинами. И вот вершина. Остановившись, Сергей увидел на востоке безбрежно расстилающееся море. Оно было светло-зеленым, и от него веяло приятной прохладой. Горы сбегали к морю отвесными обрывами, прямо к воде. Узкая желтая полоска между Каспием и горами тянулась в обе стороны. Огромная стая крупных птиц, словно отара белых баранов, паслась на отмели. Южнее виднелись строения и несколько шхун с опущенными парусами. Сергей сел на камень и задумался: «Как ему быть? Пойдешь к жилью – сразу схватят, а тогда пропал...» Но другого выхода не было: по горам до Персии не дойти, околеешь в дороге...

Продолжение следует >> Taryhy proza